

II

В литературной и исторической традиции греков и римлян сохранилось немало, хотя и в разрозненном виде, сведений о северночерноморских колониях. Однако, отчасти в силу фрагментарности источников, отчасти же в силу специфических особенностей античной историографии, причины и первые шаги греческой колонизации северного побережья Черного моря известны чрезвычайно плохо. Поэтому первостепенную роль в деле раскрытия картины раннего периода колонизации призван сыграть археологический материал.

Работа А. А. Иессена является важной сводкой археологической литературы по данному вопросу и попыткой по-новому объяснить причины и особенности северночерноморской колонизации. В настоящей рецензии я рассматриваю только вопрос о начале греческой колонизации.

Известно, что исследование вопроса о возникновении греческих колоний на нашем юге в буржуазной науке страдает односторонностью, игнорированием исторического развития местного населения. А. А. Иессен показывает двусторонний характер этого процесса. Он правильно указывает, что «возникновение греческих колоний на северном побережье Черного моря было подготовлено развивавшимися издавна, в течение полутора тысячелетий, меновыми сношениями населения наших степей с южными странами, в том числе и со странами Эгейского бассейна» (стр. 89). Немало убедительных примеров собрано в его работе, которая, наряду с юго-западными (средиземноморскими), старается в достаточной мере осветить также юго-восточные (кавказские и переднеазиатские) связи Северного Причерноморья¹. Однако характеристика сношений Северного Причерноморья с крито-микенским миром (стр. 19—20) дана очень не полно. Почему-то нет у автора описания бронзовых усатовских кинжалов, очень сходных с кинжалами из Гурнии на Крите и из Микен (II тысячелетие)². Автор сознательно отказывается от попытки связать археологические данные о сношениях эгейских народов с северным побережьем Черного моря во II тысячелетии до н. э. с данными греческой мифологии. Н. Я. Марр считал, как известно, возможным на основе палеонтологического анализа цикла мифов, связанных с Понтом, относить знакомство греков с Черным морем к середине II тысячелетия до н. э.³

Основная мысль автора сводится к тому, что «замена доколониальной торговли греческих купцов и мореходов постоянной торговой и производственной деятельностью греческих городов-колоний» (стр. 90) стала возможной «только с переходом местного населения на высшую ступень варварства» (стр. 89) и что это и есть «скифская» стадия в истории местного населения Северного Причерноморья (стр. 34).

Непонятно, почему переход к высшей ступени варварства автор себе представляет как п о г о л о в н ы й переход населения к кочевому образу жизни (стр. 34 сл.). Уже Мищенко правильно указывал, что «под скифами приходится разуместь и у Геродота... несколько народов различного этнографического типа и разных видов культуры»⁴.

¹ Заслуги автора в деле изучения культур Кавказа эпохи раннего металла хорошо известны. Ср. его работы: «К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе», ИГАИМК, вып. 120 (1935), «Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии» (III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады, М.—Л., 1939, стр. 100 сл.).

² Ср. Г р а к о в, Скифы, стр. 41.

³ Н. Я. М а р р, Избр. работы, I, стр. 104.

⁴ Ф. М и щ е н к о, Этнография России у Геродота, ЖМНП, 1896, стр. 81; ср. также М. И. А р т а м о н о в, Общественный строй скифов, Вестник Ленинградского университета, 1947, № 9, стр. 75; о н ж е, Вопросы истории скифов в советской науке, ВДИ, 1947, № 3, стр. 71—72.

Не только в VI—V вв., когда писали Аристей из Прокоонесса и Геродот, но и гораздо раньше мы имеем среди скифов земледельческие племена и кочевников. Учиывая их географическое распределение, можно думать, что существование рядом земледельцев и скотоводов на территории нынешней Украины датируется уже поздним Трипольем¹ и что прибрежная полоса в начале I тысячелетия до н. э., особенно в районе днепробугского лимана, была населена племенами, которые, как и соседние им племена Истрии², занимались одновременно земледелием и скотоводством³ (Усатово).

Верно, конечно, что рост общественного расслоения в связи с накоплением богатств, в том числе и скота и распространением рабства должен был способствовать росту торговых связей (стр. 34—37). Добавлю лишь, что, в свою очередь, торговые сношения должны были влиять на общественные отношения местного населения. Мне кажется, что замечание Т. Н. Книпович⁴ о некотором влиянии ранней торговли «на тот процесс, в результате которого образовалось уже сильно усложненное местное общество», замечание, сделанное, правда, на основе погребений Елисаветовского некрополя, *mutatis mutandis* приложимо и к другим прибрежным областям нашего юга в эпоху ранней колонизации, хотя в основном безусловно правильно, что «скифское общество складывается независимо от греческого влияния» (стр. 89)⁵. Последнее утверждение, однако, требует детализации, которой А. А. Иессен не дает. Тем не менее было обращено внимание на тот факт, что древнейшие находки скифских памятников датируются концом VII и началом VI в., т. е. как раз тем же временем, что и находки древнейших следов пребывания греческих колонистов в Северном Причерноморье⁶. Это совпадение, как и ряд других фактов, позволяет делать вывод о тесных греко-скифских связях уже в архаическую эпоху. Недавно Б. Н. Граков высказал предположение, что континентальный торговый путь от северного побережья Черного моря в глубь страны (в Поволжье и Приуралье) существовал уже в архаическую эпоху, и греки познакомились с ним, как только проникли в причерноморские степи⁷. Неправильно, на мой взгляд, Иессен представляет себе характер греко-скифской торговли в наиболее раннюю эпоху. Она не могла быть в первую очередь ни работорговлей (стр. 36)⁸, ни скототорговлей, которые значительно позже начинают играть первостепенную роль в общепонтийской торговле (Ролуб., IV, 38). Источники говорят о другом. Геродот (IV, 33—36) сообщает, что по старинному обычаю ежегодно в храм Аполлона на острове Делосе прибывают

¹ Т. С. П а с с е к, Древнейшее население Днепровско-Днестровского бассейна, «СЭ», т. VI—VI₁, 1947, стр. 38.

² С. А. С е м е н о в - З у с е р, Торговый путь к Ольвии. Западное побережье Черного моря, Уч. Зап. Харьк. гос. ун-та, 1940, № 19, стр. 99—100. Земледелие засвидетельствовано также неолитическими находками для более отдаленных от побережья районов Бухареста, см. N. J o r g a, Histoire des Roumaines, II, стр. 79—80, Bucarest, 1937.

³ Ср. Б. Г р а к о в, Скифы, Київ, 1947, вид-во АН УССР, стр. 17.

⁴ Т. Н. К н и п о в и ч, К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Тагнайс в VII—VI вв. до н. э., ИГАИМК, вып. 104 (1935), стр. 103 (сб. «Из истории Боспора»).

⁵ Такой взгляд встречается также у А. С п и ц ы н а, Скифы и Гальштат, «Сб., посвященный Бобринскому», СПб., 1911, стр. 162.

⁶ М. М. Е b e r t, Südrussland, Reallexikon der Vorgeschichte, В. XIII, 1929, стр. 58.

⁷ Б. Г р а к о в, Чи мала Ольвия торговельни зносини з Поволжам і Приуралям в архаїчну і класичну епохи? Археологія, вид. АН УССР, Київ, 1947, стр. 23 сл.

⁸ Рабы со скифскими именами встречаются в надписях, начиная со 2-й половины VI в. н. э. Ср. Г р а к о в, Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и М. Азии, ВДИ, 1939, № 3, стр. 305 (№ 100—105).

священные дары (начатки) от гипербореев¹. Эти первинки (пшеницы) идут на Делос сухопутным путем через Скифию на запад до Адриатического моря и оттуда на юг². Другой путь указывает П а в с а н и й (I, 31, 2). Согласно его свидетельству, первинки привозились племенами нашего юга к берегам Черного моря, переправлялись в Синопу, затем передавались из рук в руки греками Малой Азии, пока не достигали Аттики (Прасий) и лишь оттуда морским путем отсылались на Делос³. Правильно отмечая, что в области религии находим часто обычай, которые являются пережитками давно исчезнувших общественных отношений, Сельтман указывает, что путь, по которому в более позднее время священные начатки из степей нашего юга (якобы от гипербореев) шли на Делос, отражает архаичный сухопутный путь, по которому возили товары из Скифии⁴. Прасий утратил свое торговое значение уже к концу VII и в начале VI в. до н. э.

Этот рассказ о гиперборейях содержит в себе также ценное свидетельство о глубокой древности хлебной торговли в Скифии. В свете этих данных становится ясным, почему в период XI—VII вв. до н. э. «из всех районов скопления импортных предметов,—как пишет А. А. Иессен,—наиболее ярко выступает район днепровско-бугского лимана и прилегающие к нему местности от устья Днестра до Нижнего Днепра» (стр. 33), т. е. как раз та область, которую позже занимают земледельческие скифы, сеющие хлеб для п р о д а ж и (Н е г., IV, 17—18, 53—54). Об этом же для VI в. до н. э. свидетельствуют археологические раскопки в Марицynie⁵. Характерно также, что греческие колонии в восточной части Северного Причерноморья (Пантикапей, Феодосия, Гермонасса, Фанагория и др.) возникли в полосе, богатой зерном и рыбой⁶. Исключительная роль понтийского хлеба⁷ в жизни материковой и островной Греции натолкнула некоторых исследователей на мысль, что уже в конце II тысячелетия греки в поисках причерноморского хлеба начинают продвигаться на север к проливам⁸. Если для так называемой гомеровской эпохи нельзя переоценивать значение торговли и торговых сношений, то вполне заслуживает внимания мнение о том, что ионийская колонизация носила планомерно-организованный характер и преследовала цель приобрести ключевые позиции понтийской торговли в обход Лидийской державы⁹. Можно предположить, что уже к середине VIII в. началась милетская колонизация Пропонтиды и южного побережья Понта. Вскоре затем (VII—VI вв.) последовала колонизация западного и северного побережья.

¹ Повидимому, о них идет речь в отчете афинских эпимелетов на Делосе (IG, II^a 1636, IG II 813), составленном на рубеже V и IV вв., где читаем: ἱερά τε... ἐξ Ἵπερβόρ[ε]ων Ср. Г р а к о в, ВДИ, 1939, № 3, стр. 238—9 (№ 2).

² Более подробно этот путь может быть восстановлен, если привлечь птинеарий так наз. гиперборейских шествий в Греции. См. Ch. P i c a r d, La route des processions hyperboréennes en Grèce, «Rev. Hist. Relig.», 132, (1946), стр. 98 и passim.

³ Ср. также P l i n., IV, 91 со ссылкой «tot auctores tradunt».

⁴ C. W. S e l t m a n, Athens, its history and coinage, London, 1924 стр. 12 и 132. Этой ссылкой я обязан любезност проф. С. Я. Лурье.

⁵ E. v. S t e r n, «Hermes», 50 (1915), стр. 167.

⁶ С. А. Ж е б е л е в, Основные линии экономического развития Боспорского государства, ИАН ООИ, 1934, стр. 592.

⁷ А. К о ц е в л о в, Нариси з исторії економічного життя грецьких колоній, на північному узбережжі Чорного моря, «Збірник Заходознавства Всеукраїн. АН» Київ, 1929, стр. 15.

⁸ Fr. M i l t n e r, Die Meerengefrage in der griech. Geschichte (Antrittsvorlesung, Innsbruck), «Klio», XXVIII (1935), стр. 1 сл.

⁹ Th. L e n s c h a u, Klio, XIII (1913), стр. 175 сл. RE, IX, 1878 сл., Fr. M i l t n e r, loc. cit., idem, Die erste milesische Kolonisation im Südpontus, «Anatolian Studies presented to W. H. Buckler», Manchester, 1939, стр. 191.

К этому времени относятся древнейшие археологические находки, свидетельствующие о торговле с Грецией¹ и возникновении здесь греческих колоний (Аполлония, Каллатис, Истрия, Ольвия, Пантикапей и др.). Вероятно, уже к этому времени восходит морская путь вдоль западного побережья Черного моря. С трудом верится, что на такой большой территории все племена (фракийцы, геты, скифы) почти одновременно переходили на высшую ступень варварства и поэтому греческие фактории превращались в колонии. Что касается Приднепровья, то курганы Киевской, Кировоградской и Полтавской областей уже для VII—VI вв. рисуют картину довольно далеко идущего социального неравенства (знать, рабы), так что вряд ли можно это назвать «переходом к высшей ступени варварства»², несмотря на то, что скифы не знали гончарного круга и что железо окончательно вытесняет бронзу из производства только в VII в. Экономическими и стратегическими по преимуществу причинами определялся интерес греков к Черному морю и возникновение здесь греческих факторий, на месте которых в большинстве случаев и возникли затем колонии³. Превращение факторий в колонии зависело главным образом от событий в жизни греческих полисов VIII—VII вв., вызывавших торговую экспансию, принудительную эмиграцию и тому подобные явления (о значении последней в общественной жизни древних см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, ГИЗ, 1924, стр. 128). Если учесть общеизвестный факт, что древнегреческие колонии представляли собой самостоятельные, независимые от метрополии государственные образования⁴, то станет ясным, почему греческая колонизация Северного Причерноморья носила так наз. мирный характер⁵. Наличие торговых сношений греков со скифами, в которых из туземцев, в первую очередь, была заинтересована знать, подготовило почву для сближения пришельцев-греков с местным населением, так что возникновение колонии не только не встречало препятствий со стороны местной знати, но всячески ею поддерживалось. Этим объясняется смешанный характер древнейших греческих колоний на Черном море⁶.

Не могу также согласиться с объяснением относительно позднего возникновения Херсонеса Таврического, которое дает автор. По его мнению, лишь к последней четверти V в. таврские племена (или, по крайней мере, часть их) достигли высшей

¹ Для западного побережья Черного моря см. Хр. М. Д а н о в ь, Из древней икономической истории на западном Черноморье до установления на римского владычество, «Известия на Българския Археологически Институтъ», т. XII, 1939, стр. 186—187, 190—191.

² О родовом обществе у скифов писали в советское время С. А. Семенов-Зусер, Родовая организация у скифов Геродота, ИГАИМК, т. IX, в. 1; он же, Скифы-кочевники на территории північного Причерноморья, «Наук. Зап. Харьк. Держ. Педог. Ин-ту», 1939 и В. И. Р а в д о н и к а с, Пещерные города Крыма и т. д., «Готский сборник» (ИГАИМК, т. XII), см. также А р т а м о н о в, ук. ст., ВДИ, 1947, № 3, стр. 68 сл. О раннерабовладельческом обществе у скифов, ср. А. П. С м и р н о в, Рабовладельческий строй у скифов-кочевников, М., 1935, также М. М. К о б ы л и н а, ВДИ, 1938, № 2, стр. 336. О военной демократии у скифов, ср. А р т а м о н о в, ук. ст., ВЛУ, стр. 86 и ВДИ, стр. 72.

³ Ср. С. А. Ж е б е л е в, op. cit., ИАН, 1934, стр. 594, прим. 3; он же Боспорские этюды, в сб. «Из истории Боспора», ИГАИМК, вып. 104, М.—Л., 1935, стр. 7; он же Народы Северного Причерноморья в античную эпоху, ВДИ, 1938, № 4, стр. 155—56.

⁴ O e h l e r, Aroikia, RE, I (1897), 2823, B i l a b e l, Die jonische Kolonisation, 1920, стр. 6—9.

⁵ Ср. А. К о ц е в а л о в, Наук. Зап. ПМК УАН 1937, № 2, стр. 111 (прим. 12). А р т а м о н о в, ук. ст., ВЛУ, 1947, № 9, стр. 75.

⁶ Семенов-Зусер, op. cit., стр. 100, ср. А р т а м о н о в, ук. ст., ВДИ, 1947, № 3,

ступени варварства (стр. 76). Однако археологический материал не дает нам права сделать такой вывод. Более вероятно, что тавры достигли высшей ступени варварства значительно позже. В. Н. Дьяков, посвятивший Таврике специальное исследование, склонен считать, что низкому хозяйственному уровню тавров (рыболовство, скотоводство и мотыжное земледелие) соответствовала примитивная социальная структура («клановая допатриархальная организация с явными признаками матриархата»)¹. Это звучит слишком обще. На основе таких данных трудно определить, когда тавры перешли на высшую ступень варварства.

А. А. Иессен суммировал богатую археологическую литературу и обобщил результаты ряда новых археологических находок, касающихся предпосылок этой колонизации. Однако он иногда несколько упрощает сложный процесс возникновения греческих колоний в Северном Причерноморье.

Кое-какие незначительные упущения имеются по части использованной литературы. Правда, автор оговаривается, что работа написана в Свердловске в 1942 г., где не было никакой возможности получить нужную литературу (стр. 3, прим.).

Б. И. Надель

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ. ТРУДЫ ОТДЕЛА ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА ВОСТОКА. Т. IV. Ленинград, 1947, 502 стр., 75 таблиц и рисунки в тексте. Тираж 2000. Редактор проф. И. М. Лурье.

Четвертый том трудов Отдела Востока Гос. Эрмитажа является первым послевоенным томом. Он содержит 14 статей, посвященных разным культурам Востока и вопросам востоковедения, различным как по тематике, так и по методу освещения материала. При всем этом том производит цельное впечатление благодаря умелому подбору статей, стоящих на высоком научном уровне и удачно скомпонованных. Книга в основном посвящена публикации неизданного или мало изученного материала. Каждая из статей не преследует, однако, узкой задачи атрибуции, но затрагивает значительно более широкий круг вопросов из области истории, искусства, религии и языка.

Книга открывается статьей М. Э. Матье: «Роль личности художника в искусстве древнего Египта». Это место статьи в сборнике диктуется отнюдь не только ее хронологическими рамками, но и самим характером—постановкой очень широкой и обобщающей проблемы.

Статья посвящена вопросу о специфике египетского искусства и его историческом месте в периодизации культур. Автор так и формулирует свою задачу: «вопрос о личности художника в истории искусства древнего Египта является одним из наименее разработанных и в то же время самых важных принципиальных вопросов для истории египетского искусства, так как правильное понимание роли художника и тех границ, в которых он имел возможность проявлять свою творческую индивидуальность, исключительно важно для определения особенностей египетского искусства в целом» (стр. 5).

Западноевропейские буржуазные ученые с их узко формальным или же социологизирующим (с позиций идеалистической науки) подходом, не могли, разумеется, даже сколько-нибудь близко подойти к решению интересующей нас проблемы. М. Э. Матье, владеющая многообразными источниками, решает интересную и трудную проблему с исключительной вдумчивостью и с большой убедительностью.

Важнейшие исходные положения автора о природе культуры раннеклассового общества в древнем Египте, застойности исторического процесса и сохра-

¹ См. В. Н. Дьяков, Таврика в эпоху римской оккупации, «Уч. Зап. МГПИ им. Ленина», т. XXVIII, 1 (1942), стр. 13 сл.